

НИКОЛАЙ ДУБРОВИН

**ПЕРВАЯ ОБОРОНА
СЕВАСТОПОЛЯ**

1854-1855

«РУССКАЯ ТРОЯ»

МОСКВА

УДК 94(470)»1854/55»

ББК 63.3(2)47

Д 79

Дубровин, Николай Федорович.

Д 79 Первая оборона Севастополя, 1854–1855.
Русская Троя / Николай Дубровин. — Москва :
Эксмо, 2026. — 480 с. — (Герои русских побед).

ISBN 978-5-04-243118-0

Крымская война (1853—1856) стала серьезным испытанием для Российской империи — стране пришлось противостоять не только Турции, но и коалиции европейских стран. Многодневная оборона Севастополя в 1854—1855 гг. стала самой героической страницей войны. Одиннадцать месяцев русские солдаты и матросы отражали штурмы многократно превосходящих войск союзников. В ходе боев героически погибли командующие обороной Севастополя адмиралы В.А. Корнилов и П.С. Нахимов. Упорство защитников города было высоко оценено современниками и потомками: Севастополь стали называть «Русской Тройей». Севастопольская оборона вдохновляла писателей, художников и, конечно, историков.

Автор этой книги — генерал-лейтенант Николай Федорович Дубровин (1837—1904) был современником Крымской войны и оставил яркий рассказ о первой обороне Севастополя.

УДК 94(470)»1854/55»

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-04-243118-0

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

БИТВА ЗА ЯСЛИ ГОСПОДНИ

***Россия ли проиграла Восточную (Крымскую) войну
1853–1856 годов?***

Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.

А. С. Пушкин (1834)

Вопрос, сформулированный в подзаголовке данной статьи, все чаще задают себе сегодня все, кто исследует или осмысливает события войны, вступившей в эпоху своего 160-летнего юбилея.

Все больше людей убеждаются в том, что нет ничего более далекого от истины, чем привычное утверждение о якобы имевшем место поражении. Нет необходимости широко документировать абсолютное господство до последних лет в исторической литературе именно «пораженческой» точки зрения. Мы найдем ее в любой монографии или статье, в учебнике или учебном пособии, в публицистическом очерке или научных комментариях. До недавнего времени почти невозможной задачей было как раз обратное — отыскать иную оценку результатов Крымской войны. Такие мнения можно было высказывать только между строк.

Ограничимся одним примером. Академик Е. В. Тарле, фактически исповедовавший другую систему взглядов, внешним образом именно в русле «пораженческой» концепции вынужден был начинать разговор о Крымской войне в своей классиче-

ской монографии: «Царизм начал и он же проиграл эту войну, обнаружив ... несостоятельность ... господства дворянско-феодалного крепостнического строя».

Невооруженным взглядом видно, что это утверждение является всего лишь обязательной калькой известных слов В. И. Ленина о Крымской войне. Весь последующий текст двухтомной монографии «Крымская война», опубликованной в годы Великой Отечественной войны с одобрения И. В. Сталина, фактически опровергает «пораженческий» тезис.

Другой характерной чертой советской историографии Крымской войны являлось абсолютное игнорирование православной составляющей этого глобального противостояния. Инспирированный Францией двухлетний спор с Россией о «святых местах» закончился тем, что накануне 1853 года ключи от Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) были демонстративно, с большим шумом отняты у православной общины, которой они традиционно принадлежали, и под давлением Парижа переданы турецкими властями Палестины католикам. Этот акт был совершен в стране, в которой православие исповедовало большинство подданных — десять миллионов человек. Нетрудно представить себе реакцию на эти события не только внутри Османской империи, но и за ее пределами, в первую очередь в православных странах. Было грубо и публично нарушено закрепленное договорами право России на покровительство православия в Турции.

Унижение православных святынь — постоянная черта поведения агрессоров в этой войне. Не случайно она получит также другое название — «битва за Ясли Господни». В этом ряду бомбардировка английскими фрегатами 18—19 июля¹ 1854 года Со-

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

ловецкого монастыря. В этом ряду — избрание главной мишенью для нападения именно Крыма и Севастополя, который являлся не только военной базой России на Черном море, но и колыбелью русского православия. Показательно, что французы «возьмут в плен» херсонесский колокол, который почти 60 лет будет висеть в соборе Парижской Богоматери и возвратится на свое место только после неоднократных настоятельных требований русского правительства.

Не только сегодня, но даже в XIX веке многим представителям образованной России, испытавшим «просвещенное» влияние атеистической Европы, вопрос о ключах казался лишенным всякой важности и значения. Раскол между «ретроградным» правительством и «образованным» обществом, жертвой которого оказывался русский народ, углублялся все больше и больше. Вопросы веры многим казались архаическим пережитком, препятствующим столь желанному прогрессу. Об этой опасности в книге «Россия и Европа» пророчески предупреждал современник Н. Я. Данилевский: «Этот спор о ключе, который многие даже у нас представляют себе чем-то ничтожным, недостойным людей, имеющих счастье жить в просвещенный девятнадцатый век, имел для России, даже с исключительно политической точки зрения, гораздо более важности, чем какой-нибудь вопрос о границах, спор о более или менее обширной области...».

Современники предупреждению мыслителя не вняли. «Счастье» жить в просвещенный XIX век оказалось для «образованного» русского общества важнее вопросов веры, за что мы и заплатили страшными испытаниями века XX. Может быть, на пороге XXI столетия мы заново постараемся определить, в чем же все-таки наше истинное счастье: в приобщении к общечеловеческим ценностям, которые каким-то странным образом все время поворачива-

ются к нам своим звериным, а не гуманным обликом, или в сохранении верности традициям наших непросвещенных предков и их такой несовременной тысячелетней вере?

Истинные идеологи Восточной войны отчетливо осознавали подлинное значение событий, их сакральный смысл. Архиепископ Парижский прелат Сибур подчеркивал: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь... укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».

Предки наши на агрессию врага, помимо воинского сопротивления, ответили сплочением вокруг православной веры. «Битва за Ясли Господни» породила целый мир православных героев, легенд и преданий. 150 священнослужителей были награждены за отличия в Крымской войне. Героическое воинское священство получило достойное художественное отражение на эпическом полотне легендарной севастопольской Панорамы. Первое имя в этом ряду — архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), спустя полтора столетия причисленный к лику святых. Крымский «Златоуст», неутомимый вдохновитель защитников города, именно он 27 июля 1854 года освятил закладку храма Святого князя Владимира, ставшего усыпальницей выдающихся русских адмиралов — М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, П. С. Нахимова и других. В своей речи «при заложении храма» архиепископ Иннокен-

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

тий осмыслял оборону Севастополя именно как защиту православных основ государства Российского: «Здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти Св. Владимира... Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим!».

В ряду православных героев — священники самого старого на территории России Георгиевского монастыря на мысе Фиолент, основанного, по преданию, в 891 году (в 1820 году в обители останавливались на ночлег генерал Н. Н. Раевский и молодой Пушкин). В монастыре была смонтирована телеграфная станция, связывавшая командование союзных сил с Лондоном и Парижем через Варну посредством подводного кабеля. Пренебрегая присутствием врага, объявившего их пленниками, монахи ни на день не прекращали молитвы о победе русского оружия.

С началом боевых действий Николай I отправил в Севастополь список с иконы Божией Матери «Умиление», перед которой всю жизнь молился и скончался преподобный Серафим. Главнокомандующий войсками князь А. С. Меншиков в лучших традициях «образованного» общества оставил ее в каком-то чулане. Только после запроса государя о судьбе иконы ее разыскали, но на Южную сторону Севастополя, в сражающуюся армию так и не отправили, оставив на Северной стороне. Именно Северная сторона города, как известно, так и не была взята неприятелем.

30 марта 1856 года подписывается Парижский мирный договор. 12 июля последние войска союзников покидают Крым, а уже 14 июля Александр II учреждает в Таврической губернии (как свидетельство победы духа над материальным злом) Косьмо-Дамиановский монастырь на чудотворном источнике —

одну из любимых обителей русских самодержцев, особенно царя-мученика Николая II. Учреждение монастыря вполне естественная форма ознаменования финала для войны, которую современники называли «битвой за Ясли Господни».

В советское время своеобразное табу на полное и подробное освещение истории Крымской войны наложили, с одной стороны, резко отрицательная оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом военной политики Николая I, с другой — известные слова В. И. Ленина о том, что война «показала гнилость и бессилие крепостной России». Ясно, что в советской историографии Россия просто обязана была проиграть Крымскую войну.

Основоположники марксизма, в полном согласии с новоявленными европейскими крестоносцами и либеральными демократами, были сторонниками полного поражения царизма как «главной силы реакции». Они видели в этом путь для свободного развития революционного движения в Европе. Оценивая европейскую буржуазию как «реакционную», Маркс и Энгельс соглашались, тем не менее, принести Россию ей в жертву только на том основании, что Англия и Франция находились на более высокой ступени экономического развития, имели сформировавшийся рабочий класс, передовые политические учреждения, а значит, возглавляли общественный прогресс.

Жизнь жестоко накажет «прогрессистов». XX век и история Германии наглядно продемонстрируют, как легко «передовой рабочий класс» превращается в ударную силу фашизма. Хребет этим крестоносцам XX века (даже на солдатских бляхах они выбьют клятву верности своему богу) ценой огромных жертв придется ломать полукрестьянской, такой не передовой и совсем не либеральной Советской России. Именно в годы Великой Отечественной войны Страна Советов впервые помирится с православной цер-

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

ковью и принесет ей первое покаяние. Именно в годы войны Сталин одобрит и напечатает монографию о Крымской войне академика Е. В. Тарле.

В 20-е годы мы с каким-то остервенением снимаем в Севастополе памятники русским адмиралам. Ведь они же служили царю! Только после Великой Отечественной памятники вернутся в город, но православная составляющая Восточной войны так и останется под спудом. В результате ни в Свято-Никольский храм-памятник, ни на Севастопольское братское кладбище (не совсем точно, но зато выразительно называемое в народе «стотысячным») за весь XX век никто из советских лидеров — ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, ни Горбачев — так ни разу и не придет. А ведь на братском «стотысячном» лежат русские воины самых разных национальностей, о чем говорят уже названия тех десятков полков, в боевых порядках которых они сражались, — Московский и Киевский, Минский и Эриванский, Литовский и Люблинский, Камчатский и Житомирский, Вологодский и Якутский, Полтавский и Тобольский...

Еще в марте 1854 года лорд Пальмерстон вручает членам британского кабинета меморандум, который он сам определял как «прекрасный идеал войны». Вот основные идеи этого плана: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции, которая должна быть втянута в войну против России. Литва, Эстония, Курляндия и Лифляндия на Балтике уступаются Пруссии. Польское королевство восстанавливается как барьер между Германией и Россией, поглощая земли Белоруссии и Украины. Валахия, Молдавия, Бессарабия и устье Дуная передаются Австрии. Крым, Черкесия и Грузия отбираются у России: Крым и Грузия передаются Турции, Черкесия объявляется независимой или соединяется с султаном узами сюзеренитета. Отчетливо видно, что по этому сценарию

Россия должна была быть отрезана от Черного и Балтийского морей и фактически прижата к Уральскому хребту.

Но даже этим не ограничивались замыслы агрессоров. Судя по тому, что театр военных действий охватывал огромные пространства от Балтики до Тихого океана и от северных морей до Кавказа, их планы шли еще дальше. Нападению и бомбардировкам на территории России подверглись Ганге, Аландские острова и Бомарзунд, Або, Свеаборг и Кронштадт на Балтике, Соловки и сожженный архангельский городок Кола на Белом море, Петропавловск-Камчатский и устье Амура на Тихом океане, Одесса и Кинбурн на Черном море, Бердянск, Геническ, Мариуполь, Ейск и Таганрог на Азове, Новороссийск и Анапа, Екатеринодар, Фанагория и Тамань, крепость Св. Николая, Зугдиди и Сухуми на Кавказе, наконец, Евпатория, Балаклава, Севастополь, Инкерман, Керчь и Еникале в Крыму. А сколько еще потенциально опасных направлений нужно было закрывать войсками, которых так не хватало на театре боевых действий!

Таким образом, высмеиваемый в русских карикатурах и народных сатирических песнях той поры «воевода Пальмерстон» в воинственном азарте «поражал Русь» не только «на карте» и совсем не «указательным перстом».

Крымская война была первой в новое время попыткой насильственного расчленения России, задуманной и спланированной в Европе. Против России объединенным фронтом выступили, по сути, все европейские государства. Каждое из них тем самым совершило грех предательства и клятвопреступления, так как все эти государства (включая и Турцию!) в недавнем прошлом были чем-то жизненно важным обязаны России. В общественных потрясениях и революционных бурях 1848—1849 годов, которые про-

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

неслись над Англией, Францией, Италией, Австрией и государствами Германии, Россия выступала как оплот стабильности и последней надежды на выручку. Каких только слов благодарности и уверений в вечной преданности она не выслушала в это время! Уговаривая Россию спасти Австрию от венгерской революции, фельдмаршал Кабога в прямом смысле валялся в ногах у князя Паскевича. Потом в знак признательности за оказанную помощь юный император Франц-Иосиф будет публично целовать руку Николаю I. Но не пройдет и года, как «благодарная» просвещенная Европа начнет готовиться к войне со своей спасительницей — «варварской» Россией.

Когда мы сегодня пишем о том, что в Крымской войне участвовала Турция, мы вводим в заблуждение современного читателя. Наш современник со словом «Турция» ассоциирует средней величины государство, располагающееся между Черным и Средиземным морями. В середине XIX века с Россией воевала не Турция, а Высокая Порта, или Оттоманская империя, основанная турками-османами. В ее состав входили громадные пространства практически от Гибралтара до Персидского залива и от Балкан до Сирии, Палестины, Египта и Судана. То же самое следует иметь в виду, говоря о Французской империи той поры (север Африки и другие колонии), о Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце» (территории от Канады до Китая), и империи Австрийской (достаточно напомнить о ее председательстве в Германском союзе, не говоря уже о Венгрии, итальянских землях и других территориях). Эти империи уже прошли тогда зенит своего могущества, а Российская империя своих территориальных пределов, которые в XX веке будут образовывать государственные границы СССР, достигнет только к концу XIX столетия. Территориальные и людские ресурсы напавших на Россию государств-империй

фактически включали в себя преобладающую часть современной Европы (помимо собственно Великобритании, Франции, Австрии и Турции это Молдавия, Румыния, Болгария, Сербия, Албания, Босния, Герцеговина, Черногория, Хорватия; Мальта, значительная часть Италии, а не только одна Сардиния; Чехия, Словакия, Венгрия, Пруссия, государства Германского союза и др.), большие территории в Африке и Северной Америке (Канада), азиатские пространства, включая часть не принадлежавшего на тот момент России Кавказа (Батум, планы поддержки Шамиля и др.), Индию, Австралию и Новую Зеландию, а также другие земли.

В результате в армиях напавших на Россию государств господствовал полный антироссийский интернационал: рядом с англичанами и ирландцами, шотландцами и французами, итальянцами и турками воевали австралийцы и новозеландцы, поляки и венгры, немцы и швейцарцы, египтяне и тунисцы, казаки-некрасовцы, горцы и североамериканцы. Французы привезли в Крым экзотических зуавов. Инструкторами турецких военных и даже командирами их кораблей чаще были англичане (вспомним тот же позорно бежавший из Синопского сражения пароход «Таиф» и его командира Мушавера-пашу, который на самом деле был английским капитаном Адольфусом Слэдом). Полковник Роберт Каделл, офицер из индийских колоний, сначала командовал турецкой артиллерией под Евпаторией, а затем отличился на Кавказе в сражении на реке Ингури. Командующим турецкими войсками на Балканах, в Крыму, а потом на Кавказе был генерал Омер-паша — бывший австрийский офицер, хорват по происхождению Михаэл Латгас. Революционный венгерский генерал Клапка чуть не был назначен командующим турецкой армией в Малой Азии. Его соплеменник — венгр Георгий Кмети — под именем Исмаила-паши стал

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

турецким героем в обороне от русских войск Карса. Черкес Сефер-бей, ставший турецким офицером, возглавлял отряд из двухсот горцев. Польский ренегат М. Чайковский создал из венгров и своих соплеменников целый батальон (не менее 4000 человек), принял ислам и воевал в Европе со вчерашними единовверцами-христианами под именем Садык-паша. Хозяйкой отеля и медсестрой была в Балаклаве Мэри Сикоул — темнокожая дочь Ямайки...

Европейская историография настойчиво убеждает общественность, что именно Россия стала инициатором Крымской войны, отвергнув мирные предложения Великобритании и Франции. Даже академик Е. В. Тарле, следуя оценкам классиков марксизма, вынужден был повторить этот тезис в уже цитированных словах: «Царизм начал ... эту войну». Правда, буквально на следующей странице своего капитального труда историк опровергает это откровенно пропагандистское утверждение: «Не выпускать Россию из войны», изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства — когда оно уже осознало опасность начатого дела, — отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, — вот что стало лозунгом западной коалиции».

Обратимся к фактам. Турция объявляет войну России 16 октября 1853 года, Россия Турции через две недели — 1 ноября.

Великобритания объявляет России войну 27 марта, Франция — 28 марта 1854 года. Россия опять же объявляет им войну двумя неделями позже — 11 апреля того же года.

Нам возражат, что в Дунайские княжества русские войска вошли за три месяца до объявления войны Турцией — 4 июля 1853 года. Это правда, но опять неполная. Полная правда состоит в том, что Дунай-

ская кампания была ответом на притеснение православной церкви на «святой земле». Полная правда состоит в том, что еще 27 февраля 1853 года Англия и Франция заключают секретное соглашение о координации действий против России. Наконец, полная правда состоит в том, что 23 марта Наполеон III отдает приказ об отправке французской эскадры под командованием адмирала Гамлена в Архипелаг, а в конце мая британское адмиралтейство отдает такой же приказ адмиралу Дондасу. 14 июня 1853 года обе эскадры уже стояли у входа в Дарданеллы.

План лорда Пальмерстона провалился.

Россия не проиграла Крымскую войну.

Во-первых, она выстояла в страшном противостоянии со всей Европой (фактически — со всем миром) и не допустила своего расчленения. Во-вторых, она успешно и уверенно выдержала натиск на востоке, на западе и на севере. В целом Россия практически в незыблемости сохранит свои территориальные пределы. В-третьих, она заставит выступить с предложениями о мирных переговорах саму Европу.

На юге на относительную неудачу обороны Севастополя (мы сдадим Южную сторону города, оставив за собой Северную) Россия ответит необыкновенными успехами, достигнутыми на кавказском театре боевых действий. Русская армия выиграет все сражения с турками, дойдет до Карса и заставит эту ключевую и «неприступную» крепость капитулировать (уже второй раз в истории русско-турецких войн!), открывая себе дорогу на Босфор. Это заставит похолодеть европейских вождей, понимавших, что они стоят перед реальной опасностью оказаться запертыми в черноморском «мешке».

Об этом напоминает Европе в самом начале своей знаменитой циркулярной ноты от 2 сентября 1856 года новый министр иностранных дел России князь Александр Горчаков, говоря о «борьбе, размах

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

которой грозил еще более расшириться (!), а исход не поддавался предвидению (!!)

Крепость Карс падет 25 ноября 1855 года, а буквально несколькими днями позже тогдашний посол России в Вене А. М. Горчаков через конфиденциальные источники получит от французских представителей предложение для Александра II начать мирные переговоры...

Позднее военные успехи на Кавказе станут беспроегрышными козырями в руках наших дипломатов. Россия возвратит Турции обширные территории в Малой Азии, разменяв их на Парижском конгрессе на захваченную союзниками ценой больших потерь Южную сторону Севастополя.

В целом Парижский мирный договор был настолько выгодным для России, что французский посол в Вене барон де Буркнэ отозвался на него высказыванием, превратившимся едва ли не в поговорку: «Никак нельзя сообразить, ознакомившись с этим документом, кто же тут победитель, а кто побежденный».

«Чудотворная крепость» оборонялась 349 дней. Но самое удивительное, что город в лучшем случае можно было назвать морской крепостью. С суши, откуда его штурмовали, он не имел оборонительных укреплений. Общеизвестно, что в начале кампании враг рассчитывал на очень скорую и легкую победу. Нет никакого другого аналога столь долгой обороны города в новой истории. Обычно города (в том числе крепости) сопротивлялись самое большее от трех до пяти месяцев. «Севастопольская страда» продолжалась практически год. Именно поэтому город позднее будет назван современниками «новой Троей».

Е. В. Тарле и Сталин размышляют о ходе Крымской войны на фоне войны Великой Отечественной, в которой врагу были сданы весь Севастополь (а не только Южная его сторона) и весь Крым. Чем

в итоге обернулось это для захватчиков, знают все. Именно поэтому мы с полным правом сегодня поём о «неприступном для врагов» Севастополе. Так же, как и мы сегодня, думали о городе русской славы 160 лет назад «непоколебимые» (Л. Н. Толстой) матросы Нахимова. Так думали 70 лет назад солдаты Победы маршала Жукова. С ними и в одном, и в другом случае были не согласны «прогрессисты», для которых европейская (а лучше — американская!) оккупация (военная, экономическая, информационная или духовная) всегда была высшей ценностью и целью.

Кстати, вопрос о «святых местах» был решен Крымской войной в полном объеме и по сегодняшней день. Христианские святыни в наше время находятся в ведении православной церкви.

Странное дело, но именами крымских городов и деревень, рек и полей «победители» на всех континентах, откуда они прибыли на войну, в каком-то молитвенном преклонении будут снова и снова называть свои улицы, площади, скверы, мосты, селения и города, возводить один за другим памятники, устанавливать памятные знаки, учреждать награды, открывать музеи и мемориальные комплексы. Крымских наименований по всему миру чрезвычайно много. Города и поселки с названиями Севастополь, Балаклава, Инкерман, Альма и другими мы встретим в Англии и Франции, Италии и Канаде, США, Австралии и Новой Зеландии. Принцесса Диана погибнет в Париже не где-нибудь, а в тоннеле под мостом Альма. Французы назовут этот мост и прилегающий к нему сквер в честь первого кровавого сражения Крымской войны в долине маленькой речки Альма. В Англии появится новое женское имя — Alma. А вязаные головные шлемы с прорезями для глаз, придуманные англичанами для защиты от холода, будут увезены ими к себе на остров, где их долгое время будут носить зимой дети младшего возраста. Сегодня

ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

шлемы «Балаклава» (именно в бухте этого города они когда-то родились) встретишь в экипировке людей самого разного профиля — от спецназовцев до террористов.

Так кто кого в таком случае победил? Кто кому старается подражать? Кто делает культ из самого факта своего участия в этой войне, поразившей сознание и души ее участников навсегда? Погрязший в суеверии западный мир, уподобляясь язычникам, словно пытается этими поименованиями напитать себя духом непобежденной и непобедимой армии и страны. Он греет себя в отблесках чужой славы, которую сам же официально не признает и всячески порочит.

Если Россия была так слаба и ничтожна, как писала западная пресса, какой доблестью могла быть победа над нею? Но западный мир и ведет себя не как победитель, а как преступник, которого тянет вернуться на место преступления. Что он хочет там найти? Утраченную честь и славу? Свое испуганное восхищение противником? Может быть, самого себя?..

Давайте задумаемся: целый год лучшие полки Европы, стянутые со всего мира, штурмуют обыкновенный город, ценой необыкновенных усилий и потерь берут только часть его, и после этого, измотанные до предела, в каком-то угаре панического восторга объявляют себя победителями, практически прекращают всякие боевые действия и предаются безудержным грабежам.

А «побежденная» Россия между тем войну продолжает. Готовы к выполнению приказов войска, перешедшие по понтонному мосту на Северную сторону. Ведется регулярный и успешный обстрел Южной стороны, совершаются локальные военные операции, осуществляются захваты пленных. Победоносно сражаются полки на Кавказе: «несокрушимый» Карс будет взят через два с половиной месяца после падения Малахова кургана! Еще через месяц после

этого состоится успешная оборона Екатеринодара от нападения горцев.

В Европе самым воинственным и близоруким становится ясно, что выиграть войну у этой страны и у этого народа нельзя. Почувствовав, что коалиция рассыпается, Австрия поспешит выступить посредником и предложит России сесть за стол переговоров в Вене. После достаточно долгого молчания, явно заставившего Европу понервничать, новый император Александр II дал согласие начать мирный диалог. Но не в Вене, а в Париже. Наступил момент торжества русской дипломатии.

Да, Парижский договор лишил Россию права иметь военный флот на Черном море. Но этого же права была лишена по договору и Турция. Мало того, любым военным судам было запрещено проходить через проливы. Черное море фактически стало демилитаризованным. Чего еще было желать России, которая приступала к строительству своих броненосных кораблей?! На два флота сил все равно не хватало. Договор давал ей необходимую передышку на юге.

Почему о поражении России в Крымской войне упорно говорят ее современники?

Самые прозорливые из них все время осознавали особый характер этого «поражения». Своими комментариями они раскрывали глубинный смысл того, что видели все, но лишь немногие понимали. В их числе декабрист М. А. Бестужев, друг юности П. С. Нахимова, которому в сибирском заключении, освобождавшем от влияния политической суеты, многое виделось яснее и отчетливее: «...Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский ... должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед».

В этом ряду и знаменитая, обошедшая Европу фраза князя А. М. Горчакова из уже упомянутого циркуляра по внешней политике от 2 сентября 1856 года (через год после падения Малахова кургана!), отвер-